

О цементе Цзян Умянь упомянул лишь вскользь, почти мимоходом, — сейчас первоочередной заботой уезда оставалось удобрение полей.

Стоял восьмой месяц. На севере и в землях Цзянхуай готовились к осенней жатве. Когда урожай снимут, наступит короткое затишье — время чинить плуги, пахать да переворачивать пласты земли, закладывая основу под весенний сев следующего года.

Для озимой пшеницы астрагал китайский не требовался, но в землях Цзянхуай главным образом сеяли рис, и упускать столь благодатное время было никак нельзя.

Взвесив все обстоятельства, Цзян Умянь первым делом подал официальный доклад об удобрении земель, оставив цемент для отдельного прошения. Подробный отчет о его пользе он рассчитывал составить позже, когда на реке поднимутся новые пристани, мосты и плотины.

Пролетел еще месяц. Наступил первый день девятой луны — время Великой утренней аудиенции, когда все столичные чиновники седьмого ранга и выше обязаны предстать пред императорские очи.

Слухи о небывалых урожаях благодаря новым удобрениям сотворили чудо: те вельможи, кто еще вчера слег от «тяжелого недуга», планировал отбыть с досмотром или попросту не горел желанием мерзнуть во дворце, мигом облачились в парадные одежды и спозаранку примчались к тронной зале.

Император Цзяньюань впервые за долгое время видел, чтобы на дворцовой площади яблоку негде было упасть от обилия чиновных лиц.

В столице уже похолодало. Порывистый северный ветер так и норовил забраться под парчовые подолы, заставляя чиновников втягивать головы в плечи и прятать озябшие ладони в просторные рукава. Но у парадных врат не забалуешь — здесь малейшая вольность в осанке сочлась бы за непочтительность, и сановникам приходилось застывать на ледяном ветру, вытянувшись в струнку.

Впрочем, дело об удобрениях сулило слишком большую выгоду, а подобный сбор вряд ли повторится до конца года. Ради этого стоило и померзнуть.

На ступенях уже выстроились почтенные старцы: ветераны из Военного комиссариата пяти армий, Великий наставник и Великий префект — все как один явились на совет. Сам государь повелел поднести им кресла. Как только почетные мужи заняли свои места, над безмолвной толпой разнесся зычный голос управляющего Ци:

— Есть ли у кого важные дела? Огласите! Коли нет — аудиенция окончена!

Едва смолкли отголоски, вперед выступил министр Юй, возглавлявший Министерство налогов:

— Ваше Величество! В Мобэе, на обеих дорогах Цзянхуай, на рубежах и в землях Гуаньчжун осенняя жатва завершена. Податное серебро и зерно надлежит без промедления доставить в государственные закрома. Что же до области Линнань, там уже засеяли поздний рис, однако ввиду дарованного уезду освобождения от налогов поставки идут лишь в казенные склады отгрузки да резервные хранилища.

Министр Юй неспроста начал с этого: пока область Линнань обходилась без податей, все остальные провинции обязаны были отчитаться за каждый сноп.

С учетом долгой дороги до столицы, подробные ведомости стекутся в Министерство налогов лишь под самый занавес года. В предновогодней суматохе у канцелярий и без того работы будет выше крыши, так что времени на перепроверку сложных расчетов попросту не останется. Своими словами Юй деликатно, но твердо намекал собравшимся: поспешите с отправкой зерна и не тяните с отчетами до того дня, когда чиновники запечатают свои кисти на праздники.

Император Цзяньюань благосклонно кивнул.

— Верно. После осенней жатвы наступает пора затишья, до весеннего сева — еще полгода. Вы все читали «Доклад» уездного судьи Цзяна. Коли начать заготовку удобрений до первых холодов, то к весне земля напитается силой и будет готова принять семена. Кто из вас готов взяться за это дело первым?

Споры о том, как новые удобрения поведут себя на сухом севере и влажном юге, будоражили столицу уже не первую неделю. В конце концов сошлись на золотой середине: обустроить несколько опытных полей по образу тех, что заложил у себя Цзян Умянь, и проверить чудо-смесь на деле.

В своих записях Цзян Умянь подробно растолковал: одни составы служат для восстановления истощенной почвы, другие — подкармливают нежные всходы риса.

На севере рис не приживался, зато тамошнюю землю можно было щедро сдобрить основной подкормкой — ведь на ухоженной пашне и пшеница заколосится гуще.

С рисом же хлопот выходило куда больше: здесь требовалось и зеленый астрагал китайский вовремя запахать, и саму рассаду на разных порах роста подкармливать строго по науке.

Книжная премудрость хороша, но без живого опыта в таком тонком деле не обойтись. Самым разумным казалось отправить гонцов в уезд Шаоюань и привезти оттуда знающего мастера.

Министр Юй тут же высказал свои соображения:

— Ваше Величество, секрет приготовления этой смеси в Шаоюане введом каждому крестьянину, а уж служивые люди в тамошней управе набили на этом руку. Не приказать ли направить оттуда опытных смотрителей в другие провинции? Пусть приглядят за работами да вовремя

укажут на ошибки, коли наши люди где сплхуют.

Стоявший в рядах военных чинов генерал Сюэ Вэнь едва заметно поморщился.

"Прислать смотрителей? — хмыкнул он про себя. — Легко сказать! Да где же Цзян Умянь возьмет лишних людей?"

Еще перед отъездом Сюэ Вэня из области Линнань уездный судья сокрушался, что рабочих рук в Шаоюане катастрофически не хватает. Свободных земель вокруг — хоть отбавляй, бери да распахивай, а приглядывать за ними некому. Вот и приходится сдерживать размах.

На возведение пристаней, верфей и новых школ ушли почти все крепкие мужчины. К тому же шаоюаньское ополчение перешло ко второму этапу подготовки — обучению ратному делу на воде, так что выкроить даже пару человек для поездки на север было несбыточной мечтой.

Ребятишек старше семи лет — и мальчиков, и девочек — поголовно определили в классы. Сейчас они гурьбой носились по косогорам: собирали семена астрагала китайского, драли лыко, косили осоку да выуживали из воды обрывки старых сетей. Все это добро везли в бумажную мастерскую Двух Селений — тамошним мастерам резать надобно было сырье.

Да и ткацкий станок с водяным приводом работал без устали. Каждая женщина в уезде, приученная к веретену, трудилась в цеху, а старухи, чьи пальцы уже не слушались хитрых рычагов, помогали разбирать пряжу да переносить готовые тюки на склады.

Словом, во всем уезде не нашлось бы ни единой праздной души.

Послать кого-то наставлять соседей да проверять чужие ямы? Сперва отыщите в Шаоюане хоть одного бездельника, которому нечем заняться.

Генерал Сюэ качнул головой. Затея министра была хороша на бумаге, да только тот совсем не представлял, в какой кадровой кабале бьется Цзян Умянь.

Сидевший впереди седовласый генерал Фэн заметил это мимолетное движение. Слегка повернувшись, он негромко спросил:

— Чжиянь, у тебя другое мнение на этот счет? Поделись.

Сюэ Вэнь, носивший второе имя Чжиянь, каков бы ни был его нынешний чин, перед заслуженными ветеранами держался почтительно. Эти грозные старцы стояли у истоков Великой Чжоу, проливали кровь за престол, и ныне государь прощал им любые вольности, если только речь не шла об измене.

Окинув взглядом шепчущихся сановников, Сюэ Вэнь придвинулся ближе к старому воителю и тихо заговорил:

— С этим делом хлопот не оберешься, почтенный командир. Ошибись хоть в малости — и вся рассада сгорит, крестьяне пойдут по миру. Чтобы уберечь людей от беды, судья Цзян за одну ночь велел составить и развесить по уезду восемнадцать подробнейших указов. Требовал, чтобы старосты заучили их наизусть, до единой запятой.

Стоявшие рядом чиновники тут же наострили уши. За последний месяц у Сюэ Вэня язык уже отнимался повторять одно и то же перед дворцовыми писцами, но старые генералы редко вникали в эти дразги, так что для них рассказ был в диковинку.

Другие придворные тоже жадно ловили каждое слово — о самом уложении они слышали, но подобные мелочи, вроде восемнадцати расклеенных за ночь указов, ускользнули от их внимания.

Сюэ Вэнь коротко и сухо усмехнулся:

— Указы-то развесили, да вот беда — грамоте в тех краях мало кто обучен. И как, вы думаете, поступил судья Цзян? Объявил, что управа берется учить грамоте каждого встречного, причем даром!

— Бесплатно?! — старый генерал изумленно вскинул брови. — И ни единой медной монеты с них не взяли?

О такой невиданной щедрости в совете слышали впервые.

До этого вельможи читали лишь сухие донесения из префектуры Нанькан, к которым прилагался отчет самого Цзян Умьяня да небольшой холщовый мешочек с отборным золотистым рисом нового урожая — чтобы столичные господа воочию убедились в успехе дела.

Сведения о повальном обучении грамоте содержались в тайных донесениях Парчовых стражей, доступ к которым имели лишь сам государь да пара доверенных советников. Разумеется, на всеобщее обсуждение этот вопрос доселе не выносился.

Сюэ Вэнь оказался первым, кто озвучил это перед двором:

— Разумеется, наставникам полагается плата, да и книги стоят недешево. Однако ни за учебники, ни за жалованье учителям, ни за содержание школы простые люди не платят ни медяка — уездная управа взяла все расходы на себя. И более того, учеников кормят сытным обедом в полдень! Желающих набралось столько, что в уезде мгновенно закончились запасы бумаги для книг. Тогда судья Цзян не долго думая велел поставить собственную бумажную мастерскую!

Старик Фэн даже покачнулся от изумления.

"И все это за счет казны уезда?! — размышлял старец. — Откуда у заштатного приграничного городка такие средства? Или их лавки приносят немыслимый доход?"

В тронном зале понемногу воцарялась тишина — даже император Цзяньюань приклонил слух к их беседе. Заметив это, Сюэ Вэнь повысил голос, обращаясь уже ко всем собравшимся:

— Исключительно по милости Его Величества, даровавшего Шаюаню освобождение от податей на три года. Благодаря удобрениям урожай выдался на славу, и зерно ушло по хорошей цене. К тому же новые мастерские привлекли множество купцов, а караваны везут в уезд живые деньги.

— К тому же, — добавил генерал, — учат там лишь самым простым иероглифам, чтобы читать указы да вести счет. Это простое начальное обучение, к сдаче государственных экзаменов оно отношения не имеет, да и званий ученых мужей эти дети не получают.

В толпе послышались вздохи облегчения.

"А-а, простое начальное обучение..."

Коли так, то за пару месяцев выучить несколько сотен обиходных знаков — траты не столь уж велики.

Великий академик Вань уже знал об этих нововведениях, однако, слушая Сюэ Вэня, невольно поймал себя на глубоком вздохе восхищения.

В свое время Цзян Умянь блестяще выдержал экзамены, заняв первое место и став чжуаньюанем. Ему была прямая дорога в Академию Ханьлинь, к вершинам чиновной славы, но судьба распорядилась иначе — его сослали уездным судьей в глухую область Линнань.

Недоброжелатели злорадствовали, полагая, что там его блестящий ум и угаснет. Кто же мог предвидеть, что меньше чем за два года этот юноша создаст плуг для заливных полей, превзошедший традиционный изогнутый плуг, и откроет способ в разы увеличить урожайность земель? Одно лишь это навсегда вписало имя Цзян Умяня в историю Великой Чжоу.

В то же время обладатели второго и третьего мест на тех же экзаменах — баньянь и таньхуа — до сих пор прозябали в младших писцах Академии Ханьлинь. Сегодня, воспользовавшись свободной от дежурства службой, они тоже явились в тронный зал.

Затерявшись в толпе придворных ученых, они напряженно прислушивались к речам Сюэ Вэня, обмениваясь многозначительными взглядами и то хмурясь, то согласно кивая.

Великий академик Вань искоса глянул на Хань Чжаохуна — Старшего великого секретаря Кабинета, сидевшего впереди с бесстрастным лицом, — и ощутил укол ехидного торжества.

В былые годы сторонники кланов Хань и Се бились за власть не на жизнь, а на смерть. Се Яньхан всегда держался в стороне от этих дрязг, но его все равно сослали на суровую границу. Цзян Умяню же, который тогда даже порога присутственных мест не переступил, и вовсе не дали занять положенное место в Академии Ханьлинь — сослали прямиком в малярные топи

Линнаня!

Всем было известно: линнаньские земли издревле служили местом каторги, и отправленный туда чиновник мог навсегда распрощаться с надеждой вернуться в столицу.

Но Цзян Умянь стал редким исключением. Сначала плуг для заливных полей, теперь — рецепт чудодейственного удобрения... С такими заслугами перед престолом его возвращение в столицу было лишь вопросом времени.

Между тем один из старых военачальников недоверчиво хмыкнул:

— Хлебопашество — труд непрерывный, крестьянин круглый год спину гнет. В Линнани ведь по два урожая риса в год снимают, когда же у них выдается свободное время, чтобы еще и в мастерских спину гнуть?

Судя по расспросам, этот старый воин в юности сам хаживал за сохой, но южных краев не знал и о тамошних порядках ведал мало.

Сюэ Вэнь раскрыл копию доклада и терпеливо пояснил:

— Сроки там и впрямь сжатые, почтенный старец. Стоит собрать первый урожай — и надо спешно пахать, удобрять почву да готовить новую рассаду. Но теперь у них есть плуги для заливных полей. Крестьяне заранее составляют списки в управе и берут их напрокат по очереди.

Умельцы из Шаоюаня усовершенствовали орудие: теперь это был не просто одиночный лемех, а тройной плуг, позволяющий обрабатывать сразу три борозды. Управа вдобавок сдавала внаем тягловых буйволов, требуя от общин лишь одного — сытно кормить казенный скот.

За полтора года упорного труда крестьяне подкопили денег, так что плата за наем никого не разоряла. Главным было сберечь драгоценное время и успеть высадить рассаду в срок.

Ведь малейшее промедление грозило потерей целого урожая.

Хоть тройной плуг и шел тяжелее обычного, он брал сразу три ряда, сокращая время пахоты втрое. Выигранные дни люди тратили на заготовку перегноя, прополку или работу в уездных мастерских.

Ребятишки постарше прилежно учились в школах, а за совсем несмышлеными малышами приглядывали старики.

Можно сказать, в Шаоюане — от последнего писаря в управе до безвестного пахаря в горной деревушке — никто не сидел сложа руки. Каждый трудился ради достатка своей семьи.

— В обычные дни забот хватает, а уж в страду все работают на износ, — продолжал Сюэ Вэнь.
— Людей так не хватает, что уездному судье приходится засучивать рукава наравне с простым человеком.

Разумеется, генерал имел в виду те дни, когда советники разъезжались по деревням, и Цзян Умянь в одиночку корпел над счетами да переписывал казенные бумаги до глубокой ночи.

Впрочем, сам уездный судья терпеть не мог бумажную волокиту и при любой возможности с радостью сбежал бы на кухню подбрасывать дрова в очаг. В этом он удивительно походил на своего наставника Се Яньхана, который тоже питал отвращение к рапортам, предпочитая им добрую чашу домашнего вина.

Сразу видно — достойный преемник своего учителя.

Однако столичные сановники поняли слова Сюэ Вэня по-своему: им представилось, будто зерна уродилось столько, что уездной управе во главе с самим судьей пришлось лично выйти в поле с серпами.

Император Цзяньюань благосклонно прищурился.

"Вот он, истинный чжуаньюань, коего Я лично выбрал на испытаниях. Не только в изящной словесности преуспел, но и в делах правления выказал завидную мудрость".

Не прошло и двух лет с его назначения, а богом забытый уезд Шаоюань уже ломился от изобилия, и простые крестьяне забыли, что такое голод и холод.

Да вдобавок ко всему парень умудрился открыть школы для бедноты! Воистину, благое дело!

Споры среди гражданских чинов разом утихли. Шум в просторной зале улегся, и несколько сановников поспешно выступили вперед, готовые пасть на колени с нижайшими прошениями.

Но один из них, самый проворный, успел опередить остальных. Сделав глубокий поклон, он звучно испросил высочайшего соизволения дозволить использование новых удобрений в области Цзяннань.

Доводы он привел на редкость хитрые: дескать, земли Цзяннани лежат бок о бок с областью Линнань, и торговые связи между ними крепки с давних времен.

Кое-кто из цзяннаньских купцов уже закупал готовую смесь в Шаоюане, так что опыт обращения с ней у местных земледельцев имеется, и дело пойдет без сучка без задоринки.

К тому же и климат в обеих областях схож, а значит, и рецептуру менять почти не придется. Одно удобство!

Выслушав эту слащавую речь, добрая половина присутствующих в душе разразилась отборной бранью:

"Какая наглая, бесстыжая ложь!"

<http://bllate.org/book/19045/2005035>